

Владимир Никифоров... нет, лучше, наверное, Владимир Семёнович Никифоров, так уважительнее... ведь—член Союза писателей России, кандидат технических наук, профессор. Родом с Енисея— посёлок Подтёсово (Красноярский край). Родители— речники, с ними он каждое лето отправлялся в плавание по большой реке. И где застанут речников холода (иногда в городе, иногда прямо на речном плёсе), там они и зимуют.

Вот она, свободная жизнь на большой реке.

«Пока был маленьким,— писал Никифоров,— родители брали меня с собой просто так. Подрастая, я уже помогал им, и в конце концов это сделалось моей работой. Я твёрдо решил связать свою жизнь с речным делом, был матросом, мечтал стать капитаном, правда, из этого ничего не вышло— подвело зрение. Но с реками не расстался и всё равно путешествую, правда, уже в качестве учёного и преподавателя».

Енисей... Гранитные берега...

Большая река, мощно уходящая на север...

Помню, как был я обрадован, прочитав рукопись рассказа «Валерка, шкиперский сын» в далёком 1978 году, когда с писателем Василием Коньяковым мы собирали, а затем редактировали сборник рассказов и повестей «Дебют» (Новосибирск). Я ничего тогда не знал об авторе рассказа, но сразу увидел— он с реки. С *моей* реки (я тоже родился на берегах Енисея— Пировское, Абалаково, Маклаково, Енисейск), с той— многоводной, уходящей, как время, то ли в прошлое, то ли в будущее, из которой мы пили чудесную живую воду, просто черпая её ладонью, и она всегда была чистой, вкусной, прозрачной. И многие годы видели мы одни и те же повороты большой реки и читали одни книги.

Никифоров сам написал об этом.

«К четвёртому классу я прочитал не только добрую половину советской классики: „Как закалялась сталь“, „Кавалер Золотой звезды“, „Молодую гвардию“, „Жатву“, „Белую берёзу“, „Далеко от Москвы“, „Стожары“, „Это было под Ровно“, „Мальчик из Уржума“, но и „Конька-Горбунка“, „Каштанку“ и даже „Капитанскую дочку“, „Записки охотника“, „Героя нашего времени“».

Тогда мы действительно читали всё.

Я даже не к четвёртому классу, а уже лет в пять лет прочёл «Цыганочку» Сервантеса, в которой не понял ни единого слова, «Переяславскую раду» Натана Рыбака, книгу более понятную, наконец, «По Чунским порогам» Сергея Сартакова, меня восхитившую. Понятно, что мы тогда считали литературой всё то, что попадало нам в руки, до чего могли дотянуться. Недостаток знаний компенсировало упрямство.

«Фейгин,— пишет Никифоров,— видимо, заметил блеск в моих глазах и деловито спросил: „Ну, с чего начнём?“ — „С Достоевского“, — прошептал я. — „А что Достоевского?“ — „Всё“. — Фейгин покопался в книгах и протянул первый том. „А, может, что-нибудь из «Библиотеки приключений»? Я помотал головой: „Достоевского“».

Книги и дикие голуби на маклаковской лесобирже. Книги и бесконечные плотоматки на реке. Книги и бесконечные гари по берегам, непроходимо заросшим малинниками. Книги и стрижи над обрывами. Книги и гранитные скалы, костяника и земляника на полянах, заросли черники и смородины. Мы жили всем этим. И попадающая нам в руки книга была так же полезна и естественна, как хороший хариус на перекате, как выставленная в протоке рыбацкая сеть, как нашествие белых груздей на опушку леса.

Мы не выбирали будущее, оно само выбирало нас— при рождении.

«Я отпечатал (свой первый) рассказ,— вспоминал Никифоров,— и отправил его „веером“: на конкурс, объявленный городским домом творчества; в областную молодёжную газету; в литературный институт. Рассказ мой был чистой фантазией: я написал про то, как если бы остался в селе и вместе с Наташей, Гришей, Кирей и сёстрами Сорокиными работал в колхозе. Рассказ был довольно грустным, в нём прорывалась тоска по большим городам, интересной жизни, красивой любви. Консультант дома творчества посетовал, что в рассказе нет конфликта, и пожелал творческих успехов. Газета напечатала рассказ, сократив его безжалостно, но умело, упомянув в предисловии недавний призыв партии к молодёжи ехать в деревню. Полученный гонорар я оставил в книжном магазине; совершенно точно могу сказать, что

„Воспоминаниям о Маяковском“ обрадовался больше, чем литературному дебюту. А уж когда прочитал мемуары Лили Брик, где она приводит строчки стихов Асеева, Ахматовой, Блока, Балмонта, Бурлюка, Вийона, Гумилёва, Веры Инбер, Каменского, Мандельштама, Некрасова, Пастернака, Пушкина, Игоря Северянина, Светлова, Сельвинского, Уткина, Хлебникова, Саши Чёрного...»

О! Полнее и счастливее не может быть жизни. «Перо задело о верх экипажа...»—эту строфу кто-то и не заметит.

Но для юного Никифорова, без всяких преувеличений, эти слова прозвучали как музыкальная фраза. Перо... Экипаж... Совсем другая жизнь... Это так чудесно накладывалось на обычную жизнь на большой реке—под перышками и кучевыми облаками. Никифоров и работать-то начал на реке в шестнадцать лет—шкипером несамостоятельного судна. Как звучит! Ничуть не хуже, чем пресловутое перо, задевшее о верх экипажа...

А до поступления (в 1964 г.) в Новосибирский институт инженеров водного транспорта Никифоров поработал ещё слесарем подтёсовского судоремонтного завода и красноярского завода «Сибтяжмаш». А после окончания эксплуатационного факультета—начальником смены в новосибирском порту. Только начиная с 1970 года работа вошла в колею. Последовательно—инженер, старший инженер, младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, начальник научно-исследовательской лаборатории эксплуатации флота... В 1975 году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата технических наук... С 1981 года перешёл на кафедру «Управления работой флота», и опять упорно и последовательно—старший преподаватель, доцент, профессор. Да, да, в 2001 году тот самый малолетний «шкипер несамостоятельного судна» был утверждён в учёном звании профессора...

За что студенты любят своих наставников?

За то, что они умеют находить для них свои «надо».

Никифоров внушал студентам (в основном студенткам) свои пять «надо».

«Во-первых, надо обязательно овладеть разговорным английским. Во-вторых, научиться работать на компьютере, тогда это было ещё в новинку. В-третьих, получить водительские права, а лучше стать автовладельцей. В-четвёртых, к пятому курсу выйти замуж, потом это будет труднее. Пятый пункт моих правил был совершенно антипедагогичным: научитесь кокетничать! Вот вы, обращаясь к девчонкам, приходите в фирму на собеседование, садитесь напротив руководителя-мужчины; на что он обращает внимание? Вот-вот. Мои личные наблюдения за карьерой выпускниц показали, что разгильдяйки-троечницы более успешны, чем тихушницы-отличницы...»

Работа в институте—не синекура.

С 1972 по 2015 год под руководством Никифорова выполнено свыше двадцати научно-исследовательских работ. Он автор более двухсот научных публикаций, в том числе семи монографий, учебника «Логистика» и десятка пособий. Множество командировок—по стране и за рубеж. Под руководством профессора Никифорова успешно защищены четыре кандидатские диссертации. Отсюда—медали, звание почётного работника речного флота. И я сейчас перечисляю не какую-то экзотику, а самый настоящий быт, если можно назвать бытом жизнь учёного и писателя.

Да, писателя. Интересного писателя.

Параллельно служебным делам он писал статьи, рассказы, повести.

С конца семидесятых (к сожалению, уже канувшего в прошлое века) печатался в сборниках, в журналах, издал отдельные книги: «Дом на большой реке», «Лицом к Енисею», «Субботнее путешествие, или Урок экономики».

Разумеется, это всего лишь небольшая часть написанного.

Писать было нелегко.

Печататься—ещё труднее.

Помещая в эту книгу повесть «В родном посёлке», написанную давным-давно, Никифоров сам удивляется прихотливым путям советского (тех лет) литератора.

«Трудно сказать, что было бы с автором, напиши эту повесть неопределившийся ещё в жизни молодой человек и опубликуй её в каком-нибудь толстом журнале. Но написал её тридцатитрёхлетний кандидат наук, начальник научной лаборатории, а штатные и нештатные рецензенты дружно отказали ей в актуальности и художественной глубине. И вот через несколько десятилетий донельзя загруженный основной и не основной работой профессор вуза несколько вечеров подряд переводит сохранившуюся рукопись в цифровой формат, чтобы предложить написанное немногочисленным читателям. Зачем? Автор не берётся отвечать на этот вопрос, чтобы не показаться нескромным. Просто это осколок нашей прежней жизни».

Начинается указанный «осколок» очень просто.

«Поездка поначалу сложилась неудачно. На „Метеоре“ оказалось слишком много народа. Ехали студенты-стройотрядовцы, мелькали повсюду зелёные спины с надписями „Saiany“, „Taiga“; в буфете продавали пиво, конец очереди был у самых наших кресел—ни встать, ни пройти. Мы с женой сидели, смотрели в окно и молчали. Я чувствовал свою вину: уговорил жену прокатиться по реке, а сам не смог ни рейс выбрать, ни место подходящее. Но вот студенты сошли, стало просторнее, мы пересели ближе к окну. Я взял жену за руку: „Надо было лететь, наверное.“—„Нет,—живо возразила она.—Мне нравится“».

И хочется читать дальше.

Потому что в повести — река.

А Никифорову ли не знать, что такое река?

Впрочем, не нужно пересказывать сюжет. Я и не буду.

Просто намекну, что кроме большой и, надеюсь, вечной реки в повести будет ещё дом — на тихой окраинной улице. . . и будет почти пустой посёлок, потому что в летнее время его население живёт на реке. . . и будут — лязгающая землечерпалка, коротыш-буксир, деревянные илимки. . . Но главное — река. . . Блистающая на солнце, туманная по утрам, чистая, нежная, великая, единственная. . . Отсюда и горечь финала. . . «На месте великолепно-го, блистающего белым песком пляжа был теперь просто мокрый и грязный берег, с прибитыми к нему водой брёвнами, с поленищами дров у самой воды. Но именно здесь мы когда-то встретились впервые — давным-давно, когда казалось, что всё ещё будет когда-нибудь потом, там, впереди. . .»

Повесть написана в 1976 году, печатается сейчас.

Вода в реках, особенно в больших, за эти десятилетия не стала чище, и здоровья многочисленным и терпеливым обитателям не прибавилось, а ко всему ещё и этот вопрос: ну почему, ну почему хорошие книги так часто приходят к читателям с запозданием? А те что приходят, отнюдь не сразу принимаются на ура. К примеру, повесть Никифорова «Двойная ноша» и его же очерк «Посёлок», опубликованные в своё время в «Сибирских огнях», в родном Подтёсово читались тайком — с большой боязнью попасться на глаза начальству с журналом в руках.

Трудно пробивать написанное, трудно совмещать интенсивную учебную и научную деятельность с литературой; в конце восьмидесятых Никифоров (это его выбор) почти на десять лет отходит от литературных занятий и возвращается к ним уже в конце девяностых, накопив опыт, объездив Европу (зарубежные стажировки) и всю Сибирь — как «выездной» преподаватель. Один за другим появляются в «Сибирских огнях» очерки «До и после „Посёлка“» (2000), «Последний паром» (2001), «Свой хлеб» (2002), «Год последний, год первый» (2004), «Возвращение» (2005), «Завершение» (2007), повесть «Третий шаг» (2009), биографические статьи о близких по духу писателя. Своим признали Никифорова и в журнале «Новосибирск», и в красноярском «День и ночь», в котором он опубликовал две повести. В московском издательстве «Вече» в серии «Сибирский детективный роман» вышла книга «Снайперы» (одноимённая повесть и роман «Жизнь Клима Гордеева»). Как продолжение всего этого следует расценивать лежащую перед вами книгу. В неё вошли повесть «В родном посёлке» и рассказ «Дайте мне Москву!», написанные давно. . . действительно давно (почему мы и говорим

с горечью о таком долгом и таком странном пути к читателю). . . и вещи, написанные в последние годы, — роман «Жизнь Клима Гордеева», рассказы «Осенний призыв» и «Последняя ставка», очерк «Пятый сезон», а также статьи, интервью, письма, даже отрывки из дневников. . .

Дневники Никифорова известны многим его друзьям.

Время от времени он посылает их странички по электронной почте то из дома, то с дороги, то с дачи; и утром включая компьютер, ты вдруг узнаёшь что-то новое, очень личностное, но всегда имеющее отношение и к тебе.

«Январь-февраль 2010 г. Все каникулы провёл с Буниным. У каждого (не только писателя) есть свои „тёмные аллеи“. В Интернете провёл поиск: Бунин и Фрейд. И тут же нашёл книгу Руднева про истерические типы. Инвариантная схема эротического дискурса Бунина заключается в том, что его герои в буквальном смысле погибают от любви. . .»

Или просто восхищение лесной поляной, неожиданно освещённой после короткого дождя солнцем. . .

Или впечатление от прочитанной книги — понравившейся или не понравившейся.

Или суждение по поводу текущих событий.

И прочее, прочее.

И это не просто заметки по случаю.

Это размышления, тревожащие многих.

«У нас до последнего времени неизменно атрибутом воспоминаний о „советской“ жизни было представление партийных и государственных чиновников в виде чинуш, глупых и недалёких людей (последний пример: книга В. Аксёнова „Таинственная страсть“, где лично ничего плохого не сделавшие автору А. Н. Косыгин, Ф. Р. Козлов, Е. А. Фурцева и др. несколькими мазками мастера превращаются в отталкивающих персонажей). Как «поливали» Лапина, Ермаша, Баскакова, Сизова! Но партийное и государственное руководство культурой не сводилось только к цензуре и запрету. . . каждый чиновник нёс бремя ответственности. . . и это не могло не приводить к конфликтам с настоящими, а не конъюнктурными художниками. Зато тех художников, кто был нужен государству (то есть партии), оно поддерживало и защищало, и речь в данном случае идёт не о Бабаевском и Первенцеве, а о Горьком, Шолохове, Бондарчуке, Чухрае. Бывает, что тоталитарный режим больше способствует развитию искусств, чем демократический, не-тоталитарный. По моему мнению, которое я отнюдь не навязываю, Виктор Некрасов уехал из СССР не потому, что там не было демократии, а потому, что он лишился высокой государственной защиты. . .»

С этим можно поспорить, почему нет?

Но высказано прямо, и заставляет задуматься.

Из подобных размышлений растут и последние работы Никифорова — особенно сборники, составленные, отредактированные, даже изданные им же на свой труд выбитые гранты. Это «Земляки» — первый и второй выпуски, с их подзаголовком: «Жизнь замечательных людей Сибири».

В сборниках этих (с массой редкостных фотографий) можно прочесть о замечательных капитанах-речниках Александре Печенике, Иване Булаве, Иване Марусеве, Николае Молочкове, об отце писателя — шкипере Семёне Степановиче Никифорове, о писателях Викторе Лихоновиче, Николае Самохине и Викторе Петровиче Астафьеве, Николае Шипилове и Александре Заволокине, о прекрасных женщинах-учёных новосибирского Академгородка: академике П. Я. Кочиной, хирурге Е. Е. Литасовой, археологе Н. В. Полосьмак, пианистке В. А. Лотар-Шевченко, генетике З. С. Некоро, филологе Е. К. Ромодановской и о многих-многих других. Даже жизнь сибирских партийных деятелей разных лет в этих сборниках отражена. При этом никто, уверен, не упрекнёт составителя (и авторов) в некой тенденции, навязываемой читателям, вовсе нет, в итоге мы видим панораму реальной жизни, тех её сторон, что быстро забываются или намеренно замалчиваются. Вот становится неуютным по тем или иным причинам какой-то деятель и тут же сбрасывается со счетов, будто его и не было. А образующиеся лакуны заполняются самыми нелепыми домыслами и слухами, всей этой мёртвой чепухой, размыть которую может только непрестанная тщательная и вдумчивая работа историков и писателей.

В повестях, рассказах, очерках Никифорова, доверительных и открытых, герои — не бабочки в янтаре. Они живые, и запоминаются. У них

свои земные страсти, у них свои небесные мечты, они вызывают к писателю: ну напомни о нас, мы были, напомни! Ведь ещё Николай Васильевич Гоголь страшился: как так, прожить целую жизнь и ничем себя не означить! Этого, наверное, боясь все, вот всем и хочется означить свои следы, своё присутствие в мире, не зря учёные-историки говорят, что предпочитают работать не с мемуарами даже самых известных (соответственно и информированных) людей, а с самыми обычными записями самых обыкновенных домохозяек и их мужей: что они видели, что слышали, по какой цене покупали на рынке картофель, а в магазинах водку, а самое главное, как относились друг к другу и к властям предрежащим, как любили, как ненавидели. Думаю, с этой точки зрения (исторической и художественной) дневники, очерки, рассказы Никифорова долго будут вызывать интерес уже потому, что в них действительно означена, отражена, описана именно та жизнь, которой мы живём, частенько её просто не замечая. Хочется напомнить, что назначение литературы вовсе не изменилась за последние века, как сейчас пытаются иногда утверждать. Назначение литературы каким было, таким и осталось — смягчать нравы, никак не иначе. Не доказывать преимущество одного режима перед другим, одной системы перед другой, не преувеличивать или преуменьшать значение того или иного государственного или общественного деятеля, художника, писателя, а терпеливо рассказывать о близких — о женщинах и друзьях, о родителях и соседях, о ценах на хлеб и водку, об интересе ко всему тому, что происходит вокруг тебя и в тебе самом, наконец, о чудесной неистребимой любви к Большой реке, на которой ты родился.